

БОЛЕЗНЬ МАРИНЫ

Оба они, и Марина и Темка, были перегружены работой. Учеба, общественная нагрузка; да еще нужно было подрабатывать к грошовым стипендиям. Часы с раннего утра до позднего вечера были плотно заполнены. Из аудитории в лабораторию, с заседания факультетской комиссии в бюро комсомольской ячейки. Дни проносились, как сны. И иногда совсем как будто исчезало ощущение, что ты – отдельно существующий, живой человек, что у тебя могут быть какие-то свои, особенные от других людей интересы.

И вдруг перед обоими встало свое, касающееся только их обоих, ни для кого больше не интересное, а для них – очень серьезное и важное.

В субботу, как всегда, Темка пришел из общежития ночевать к Марине. У нее по-особенному блестели глаза, она вдруг среди разговора задумывалась. А когда он обнял ее стан и хотел поцеловать в шею, Марина удержала его руку и сказала, пристально глядя впавшими глазами с темными под ними полосами:

– Темка! Дело верное. Я беременна.

Он быстро опустил руку, взглянул на нее.

– Да ну?!

– Верно. Была у доктора. Он тоже сказал.

Темка – большой, плотный, с большой головой – медленными шагами ходил по узкой комнате. Марина сумрачно следила за ним. А у него глубоко изнутри взмыла горячая, совсем неразумная радость, даже торжествование какое-то и гордость. Он так был потрясен, что ничего не мог говорить.. И так это для него было неожиданно, – эта глупая радость и торжество. Темка удивленно расхохотался, сел на постель рядом с Мариной, взял ее руку в широкие свои руки и сказал с веселым огорчением:

– Ну и ну!

Марина была рада, что он так хорошо отнесся к известию, – глубоко в душе и сама она радовалась случившемуся. Но веселее от этого не стало. Положение было очень запутанное. Она спросила:

– Что же теперь будем делать? Ты конкретно представляешь себе, что из всего этого получается?

– Да, да...

Но он это сказал рассеянно. Темка весь был в своей неожиданной, ему самому непонятной радости. Положил руку на ее еще девический тугой живот, нажал.

– Замечательно! Подумаешь: что-то там в тебе зреет, – твое и в то же время мое... Ха-ха-ха!

Он во все горло захохотал. Марина озлилась.

– Нужно о деле подумать, а он грохочет, как дурак. Заткнись, пожалуйста!

– А ужли ж самой тебе... не весело от этого?

– Куда те к черту весело! Только тошнит все время, – ох, как тошнит, и груди очень болят, и ты так противен, – пожалуйста, не трогай меня!

Марина резко оттолкнула его руку от своего тела.

Сегодня они ни о чем не могли столковаться, – слишком разные у них были настроения. Но вопрос был грозный, и нужно было его решать поскорее. Марина, преодолевая странное какое-то отвращение к Темке, условилась, что он зайдет через три дня, и они все обсудят.

Но, в сущности, – что обсуждать? Дело было совершенно ясно. Головою и Темка – понял это наутро, когда мысли трезвы:

нелепость, выход один только и есть.

А в глубине души была тревога перед тем, что хотели они сделать, и недоумение – неужели Марина унизит себя до того, что пойдет на это?

Через три дня долго говорили. Да, нужно решиться. Другого выхода нет. Марина с тоской заломила руки и сказала:

– Как все время тошнит! Ни о чем подумать не могу, что бы есть! А послезавтра зачет сдавать по органической химии!

Темка украдкой приглядывался, и была тайная боль, что она идет на это, да еще как-то так легко.

Раньше нужно было сдать два зачета, – по ним Марина много готовилась, и откладывать их было невозможно. Между тем рвоты были ужасны, об еде она думала с ужасом, голова не работала. А тут еще Темка. К нему она чувствовала самой ей непонятную, все возрастающую ненависть. А когда он пытался ее ласкать, Марину всю передергивало. И она сказала ему:

– Пожалуйста, приходи ко мне пореже. Ты мне определенно неприятен,